

УДК 821.161.1-3

С.А. Комаров

ПРИНЦИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБОБЩЕНИЯ В РАССКАЗАХ И ФЕЛЬЕТОНАХ Е.Д. ЗОЗУЛИ

Вышедшая в 2012 году в одном одесском издательстве книга «Мастерская человек и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения» возвращает в читательское и исследовательское пространство наследие Ефима Зозули (1891–1941), неординарного сатирика 1920-х годов, мастера малых повествовательных форм. Свою писательскую деятельность молодой автор начал в 1911 году в Одессе, где публиковал в периодике рассказы и фельетоны. С 1914 года он становится сотрудником «Нового Сатирикона». С приходом большевиков Е.Д. Зозуля переезжает в Москву. Он был в числе группы писателей и журналистов, по инициативе которых в 1923 году возник журнал «Огонек». Во второй половине 20-х выходит собрание его сочинений в 3-х томах, что свидетельствует о популярности прозаика. В 1930-е годы, как и большинство сатириков, Зозулю перестают печатать, выходят лишь отдельные фельетоны и статьи в журналах. Безусловно, наибольшее значение в творчестве автора имеют символические и философско-сатирические сказки, созданных в годы Гражданской войны (некоторые из них содержат черты антиутопии), и неоконченный сатирический роман «Мастерская человек» (1930). Весомую часть его наследия составляют фельетоны, большинству из которых свойственно юмористическая трактовка моральных и общественных проблем.

До сих пор творчество Е.Д. Зозули, автора фельетонов, рассказов, очерков, мемуаров, одного романа, не становилось предметом системного изучения. Фактически, корпус работ, посвященных прозаику, ограничивается двумя предисловиями и несколькими воспоминаниями его современников. Данный факт объясняется, прежде всего, долгим забвением (после гибели писателя на войне в советское время опубликован лишь один сборник его рассказов

© С.А. Комаров, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.32955>

и фельетонов – в 1962 году), а не малозначительностью его наследия для истории русской литературы XX века. Безусловно, многие сатирико-юмористические тексты автора по своему художественному уровню уступают произведениям М.М. Зощенко и М.А. Булгакова, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова. Тем не менее, оригинальностью отличаются его фантастические и «гротескные» повести и рассказы – они в особенности заслуживают на вдумчивое прочтение. Целью предлагаемой статьи является анализ реализации принципа обобщения, типичного для художественной метода Зозули, в его рассказах и фельетонах.

Комментаторы творчества Е.Д. Зозули указывали на необыкновенную наблюдательность, проявляющуюся в прозе писателя. Знаменитый карикатурист Б.Е. Ефимов находит в литературной манере Зозули «вдумчивый и зоркий интерес ко всем бесконечно большим и бесконечно малым явлениям окружающего мира», позволяющей ему «с неиссякаемой писательской любознательностью» подходить «к сложной путанице человеческого общества» [3, с. 71]. Переводчик и критик А.И. Дейч говорит о свойственной автору психологической наблюдательности «чеховского типа»: «...когда из незначительных деталей создается целая психологическая картина, словно сложившаяся из мозаичных камешков, воспринимаемых не отдельно, а в сочетании, в синтезе» [2, с. 7]. Автор статьи в современном библиографическом словаре определяет «основной творческий метод» Зозули как «психологический реализм, соединяющийся с юмором» [8, с. 45]. Действительно, психологизм является одной из типичных особенностей манеры автора, даже в фельетоне, жанре, не предполагающем показа внутреннего мира человека. Это свойство расширяет границы художественного фельетона, который предпочитал писатель, способствует большей глубине в изображении той или иной современной реалии.

Рассмотрим в качестве иллюстрации авторского внимания к движениям человеческой души фельетоны «Интересная девушка» (1927) и «Я дома» (1930). В первом фельетонист сосредоточен на изображении тривиального события: человек средних лет знакомится

с девушкой. Рассказчик показывает, как, благодаря этой встрече, у главного героя возрождается интерес к жизни. За незначительными поступками своей знакомой (она не бросает кожуру апельсина на мостовую, а ищет урну; она пришла на второе свидание, несмотря на болезнь – просто потому что обещала) он видит черты «нового поколения» [5, с. 197], все больше восторгается ею и спустя какое-то время женится. Действие фельетона «Я дома» происходит в санатории: рассказчика селят в одной палате с уральским шахтером, который постоянно делится с ним своими соображениями по самым разным бытовым, моральным, социально-политическим вопросам. Рассказчик обнаруживает, что искренне и безоговорочно соглашается со всем, что говорит сосед. Малоизвестный человек, простой рабочий, кажется ему роднее давних близких друзей, «от несогласий и разногласий» которых он «постарел» [5, с. 221]. Как видим, в обоих фельетонах ситуация построена на встрече двух людей, один из которых помогает другому лучше понять самого себя.

Многие рассказы и фельетоны Е. Зозули характеризует своего рода синкретизм психологических, философских и социальных обобщений. Жестокость и бесчеловечность революций и войн становится центральной проблемой ретро-фельетона «Знакомые мертвецы» (1922). Вспоминая о людях, с которыми встречался в переломные для России годы (1914–1921), писатель размышляет о бессмысленности их смертей, напрасности «жертв истории» вообще. Фельетонист представляет различные человеческие и социальные типы: лавочник, «меланхолический еврей» Исаак Койлер, покончивший с собой вскоре после гибели на фронте единственного сына; петербургский рабочий Орлов, из которого война постепенно «вытала» силы и жизнь; конторщик типографии, «деловитейший человек», даже на смертном одре обеспокоенный своей пенсией; лакей, «несчастный грязный глупый человечешко», забитый до смерти пьяными матросами; кузнец Гришкин, «здоровенный бодрый умный мужик» [4, с. 120], из-за своего критического настроения в отношении «местных нравов» ставший жертвой расправы крестьян и др. Во всех случаях писатель подчеркивает антигуманность исторического

процесса и ожесточение, «звероподобие» людей, волею судеб ставших его движущей силой. В фельетоне заявляет о себе интерес Зозули к внутренним процессам, происходящим в душах людей в эпоху социальных катаклизмов.

Особый смысл в произведении несет история братьев Лазерсон, которых разделила и, в итоге, физически уничтожила революция: «...обоих отличала ласковая спокойная энергия, вежливо улыбающаяся настойчивость. У одного только сидел в глазах упрямый честный огонек, а у другого огонька не было, а была водянистая «светская» ироничность. И вышло так, что тот, с честным огоньком, был противником революции и злобствовал, а другой вскоре после Октябрьской революции записался в коммунисты» [4, с. 122]. В данной характеристике отражено авторское отношение к сторонникам и оппонентам ленинской партии: почему-то на сторону большевиков, силы, выступающей за благо и счастье народа, стал брат, не склонный к заботе о других людях; а «честный» брат воевал в белой гвардии. В целом же, этот эпизод служит иллюстрацией раскола, произошедшего в русском обществе вследствие революции.

Значительную часть наследия Е.Д. Зозули составляют «философско-фантастические» рассказы и фельетоны. В них продуктивно функционируют разнообразные приемы (гротеск, аллегория, метафора) и элементы различных жанров (сказки, легенды, антиутопии), с одной стороны, уводящие от реалистического отражения действительности, с другой – способствующие большей глобализации философских и социально-политических обобщений. Ярким примером использования аллегории может служить рассказ «Живая мебель» (1918).

Сюжет произведения выстраивается вокруг образа господина Икая, использующего в качестве предметов мебели живых людей. В его распоряжении человек-кресло, человек-стол, человек-этажерка, человек-спица в колесе экипажа и т. д. Эти «люди» долгие годы безропотно служат своему хозяину, отвечающему им «мягкостью», «сердечностью» и «бережливостью» [5, с. 87]. Но постепенно у мебели проявляются случаи «дисфункции»: например, однажды испортились живые обои: «Смеются не вовремя. Смотрят издевательски»

[5, с. 90]. В финале рассказа среди мебели происходит всеобщее возмущение: «В квартирах, подвалах, рудниках и мастерских забились трепетные комья сердец человеческих, восстали души, прозрели головы» [5, с. 94]. Смысл аллегории «живая мебель» заключается в постулировании внутреннего рабства, владеющим простыми людьми – именно это состояние, по мнению фельетониста, позволяет народу подчиняться «эксплуататорам». Фактически, Зозуля изображает взаимоотношения народа и правящих классов в России, разрешившиеся революцией в 1917 году. Здесь реализуется одна из функций аллегории в литературе XX века – социально-критическая. Аллегория как форма иносказания, в которой конкретный образ служит способом раскрытия отвлеченного понятия, и в XX веке остается ярким повествовательным приемом – «особенно когда скрытый «идеологический» уровень выражается посредством иронической и сатирической интонации» [6, с. 27] – подразумеваются жанры, «ориентированные на четко сформулированную» или угадываемую в подтексте мораль – басня, притча, научная фантастика, утопия, антиутопия. Рассказ Е. Зозули определенно соответствует данным свойствам: предполагает и дидактизм, и сатирическую тональность, направлен как в прошлое (аллегорически изображена русская история), так и в будущее (присутствует предостережение и, одновременно, утопическая вера в лучшее: «...и на этом пока кончается рассказ о живой мебели. Пока еще много осталось ее на свете, а когда ее не будет, кто-нибудь напишет о ней еще раз – и лучше» [5, с. 94], – таковы последние фразы рассказа).

В уста одного из персонажей («врага» господина Икая) автор вкладывает высказывания о неминуемом крушении образа жизни Икая, уничтожении его и подобных ему: «Вы гниете... Разлагаетесь! Нельзя на людях, на их телах и душах, на их унижении строить счастье. ...Будут платить презрением, а в конце концов и по физиономии дадут. ...Бунт нарастает. ...вся ваша живая мебель, в которую вы изволили превратить людей, поднимется и взорвет вас. Что бы там ни было, а человек – это все-таки не спица в колесе! Бедное существо, утонувшее в людской покорности! Как мне жаль вас!» [5, с. 92].

Так писатель напрямую, с гневным пафосом, судит «хозяев жизни», власть имущих, господство которых не вечно, так как чаша терпения «униженных и оскорбленных» в конце концов переполнится – это в итоге и происходит.

В данном рассказе также поднимается вопрос о механизации общества и дегуманизации человека вообще, не только привилегированных сословий. «Ваша интеллигентность не занимает меня. Для моих духовных потребностей у меня есть штат специальных служащих. У меня есть специалисты-справочники, ...специалисты-собеседники, специалисты-слушатели, спорщики, сочувствователи и ...особые специалисты-враги и специалисты-друзья. Я не люблю ни в чем дилетантизма» [5, с. 92], – рассказывает господин Икай о штате своих сотрудников, удовлетворяющих его жизненные запросы в интеллектуальном и моральном развитии. Центральный образ рассказа в данном ракурсе выступает аллегорией бесчувственности современного социума, в котором все искусственно, элементарные человеческие эмоции и переживания подвергнуты машинизации.

Социально-политический и философский подтекст особенно показательно проявляется в рассказах Зозули, близких к антиутопии: «Гибель Главного Города» (1918) и «Рассказ об Аке и человечестве» (1919). Рассмотрим последний, сосредоточенный на показе государства, правительство которого взяло на себя право лишать жизни «ненужных» людей. Е.М. Голубовский, современный журналист и культуролог, редактор вышедшего недавно сборника зозулинских текстов, определяет жанр произведения как антиутопию, «издевательскую и точную в своем провидении» [1, с. 7]. Более того, исследователь утверждает, что рассказ Зозули послужил одним из претекстов «Мы» Е.И. Замятина.

Действительно, многое сближает эти тексты. Прежде всего – предмет изображения (тоталитарный режим) и угадываемый за ним объект критики (большевистское государство). «Коллегия Высшей Решимости», стоящая во главе страны, и ее председатель Ак ради всеобщего блага людей приходят к мысли об уничтожении «нежизнеспособных» («Человеческий хлам, мешающий переустройству

жизни на началах справедливости и счастья, должен быть безжалостно уничтожен» [4, с. 11]) – таковых три четверти всего населения. Начинается «проверка права на жизнь». Критерии у новой власти самые разнообразные – это может быть внутренняя несвобода индивидуума, боязнь естественных проявлений чувств, леность, пессимизм, потребительское отношение к жизни, тщеславие, скука и т.д. Отсюда выводятся новые «классы»: «посредственный», «разряд низших обывателей», «существо простейшее» [4, с. 18]. Ака и его подчиненных (в отличие от тех же большевиков) не волнует социальное происхождение. Под ликвидацию может попасть кто угодно, главное требование – полезность обществу, трактуемая довольно субъективно. В процессе методичного истребления «ненужных» Ак начинает сомневаться в правильности этой меры, в нем пробуждается жалость. Тогда его рассуждения принимают философский характер: «Когда изучаешь живых людей, то приходишь к выводу, что три четверти из них надо вырезать, а когда изучаешь зарезанных, то не знаешь: не следовало ли любить их и жалеть? Вот где, по-моему, тупик человеческого вопроса, трагический тупик человеческой истории» [4, с. 20]. Но вскоре «машина уничтожения» вновь запускается в действие.

Рецензент недавнего издания произведений Зозули В. Муратханов обратил отдельное внимание на отношение рядовых граждан к происходящему: «Сильнее всего в этом рассказе бьет по воображению контраст между пафосом задачи, массовостью репрессий... – и реакцией на нее обывателей» [7, с. 190]. Каждый печется о собственной шкуре, пытается обелить себя перед другими, либо, вовсе, «помочь» ближнему стать жертвой режима. А когда происходит затишье, обыватели еще больше ожесточаются, сетуют на «слабость» работы Коллегии Высшей Решимости, устраивают ссоры и драки на пустом месте и даже совершают убийства. Сатирик показывает процесс «расчеловечивания людей», акцентирует «абсурдную механистичность их искусственного отбора, помноженную на реальность происходящего за окном» [7, с. 190]. Тем не менее, в финале рассказа выражена надежда: Ак исчезает, а люди, «среди которых есть и настоящие, и прекрасные, и много хлама людского» [4, с. 26], продолжают

жить, как будто никакого террора не происходило. Таким образом, в «Рассказе об Аке и человечестве» писатель отразил опыт первых лет советской власти, опыт, ставший основой фантастического по форме, но вполне реального по существу, обобщения – автор увидел возможные последствия антигуманной политики большевиков.

Обобщения социального и морально-этического характера являются неотъемлемой чертой идейно-художественного строя многих фельетонов Е. Зозули 1920-х годов. Довольно часто эти тексты представляют собой емкие жанровые сценки, свидетелем которых стал автор. Так, в фельетоне «Каплюшки» (1927) описывается ссора двух судомоек: одна обвиняет другую в недостаточном усердии. На вопрос рассказчика, как же нужно работать, недовольная женщина отвечает: «Чтобы каплюшки с носа капали, вот как надо работать!» [5, с. 203]. Фельетонист называет ее «подвальным кухонным рабом» и делает вывод о том, что таковым ее сделало общество – подразумевается царский режим: «В этих глазах была мука многолетнего трудового истязания, возведенного в закон» [5, с. 203]. Произнесенная судомойкой фраза возводится в формулу, в которой автору видится «что-то вековое, тяжелое, неотвратимое» [5, с. 203], дух внутреннего рабства – то, что не так просто искоренить новой власти.

Фельетон с глобальным названием «Личность и общество» (1929) изображает сапожника Кузьму Снеткова, в состоянии подпития регулярно практиковавшего обход соседских квартир, допытываясь у их жителей, не убил ли, не ограбил, не обидел ли он кого-нибудь. Получив на все вопросы отрицательный ответ, удовлетворенный, он удалялся восвояси. Рассказчик так определяет суть этих «смешных, наивных, анекдотических по форме» вопросов: «стремление индивидуума быть признанным со стороны коллектива. ...естественное стремление к чистке и самокритике» [5, с. 205]. Вполне в духе времени под незначительное, бытовое событие здесь подводится политическая и идеологическая база. Подобная установка проявляется и в фельетоне «Солидарность» (1928), в котором представлена картинка, нарисованная с натуры: группа комсомольцев с песней шагает по улице, среди них есть горбун, ничем, кроме роста и фигуры, не

выделяющийся в этом коллективе, так как увлечен общей идеей и не ощущает себя калекой. «... Немногим проходим, и мне в том числе, в этот поздний вечер на пустынной улице лишний раз посчастливилось увидеть силу, благородство и красоту человеческой солидарности» [5, с. 205], – пафосно резюмирует писатель увиденное, воспевая коллективизм в ущерб индивидуальному началу в человеке. По схожей модели построен фельетон «Помощь» (1930), изображающий ситуацию с инвалидом, который не мог выйти трамвая, пока ему не оказал помощь кондуктор. «Из многих видов помощи, какие я видел в жизни, эта была одной из наиболее глубоких, содержательных, человеческих и сложных, несмотря на необычайную свою простоту» [5, с. 217], – традиционно для фельетониста Зозули высокой нотой завершается повествование.

Яркими примерами юмористических фельетонов писателя могут служить «Как приходит старость» (1927) и «Рассказ о молодости» (1928). Первый – по тональности и манере изложения напоминает ранние, еще добродушные, фельетоны Тэффи, сосредоточенные на слабостях человеческой природы: показывается столкновение личных ощущений героя, переживающего физический и моральный подъем, и противоположных мнений его знакомых. В «Рассказе о молодости», основная часть которого оформлена как диалогическая сценка, речь идет о влюбленных, использующих служебные телефоны для «частных разговоров». Зная о запрете, они облекают свои чувства в зашифрованные фразы, связанные с их родом деятельности: «О чем бы он ни говорил – о накладных, балансах, процентных отчислениях... – она в жаркой будке автомата слышит другое. Она чувствует, что ей говорят:

– Да, моя милая, я тоже думал о тебе. Я о тебе постоянно думаю. Целую тебя. Люблю тебя» [5, с. 217].

Фельетонист подшучивает над безрассудностью и изобретательностью всех влюбленных, уверенных, что мир прекрасен и все вокруг должны испытывать нечто подобное.

В некоторых фельетонах Е. Зозуля прибегает к средствам животного эпоса, при этом придерживаясь реалистического способа

изображения действительности. Фельетон «Собственность» (1929) описывает бездомную собаку, мучающуюся голодом и поэтому забредшую на мясной рынок. Здесь ее одолевает множество соблазнов («...идет откровенный, наглый, непростительный пир» [5, с. 212]), на которые она, все-таки, не поддается. образу животного в произведении свойственен антропоморфизм – писатель наделяет его человеческими чувствами, эмоциями и мыслями: «Сколько выдержки! Сколько горестного хладнокровия у нее!» [5, с. 212], «Она безнадежно оглядывает... Она пронизательна. Она знает, что никто ничего не даст» [5, с. 213]. Был момент, когда собака, «преисполненная решимости», уже готова стащить кусок мяса, но страх быть избитой ее останавливает. «Она подавлена и покорна. Она благоразумна. Этого нельзя. ...За это нет пощады. ...Это человеческая собственность» [5, с. 213], – так автор постулирует непримиримость человека по отношению к всякому, кто посягнет на его имущество. Венчает фельетонный текст в целом пропагандистский вывод о необходимости бороться с собственностью, на что способен далеко не каждый: «Это под силу передовым слоям и классам человечества – да и то только при наличии определенных экономических и исторических предпосылок» [5, с. 214]. С другой стороны, при желании в этих словах можно усмотреть и сомнение в целесообразности революционных преобразований в России, особенно если вспомнить фельетоны Зоули периода Гражданской войны.

А в фельетоне «Кошка» (1929) автор живописует игру этого домашнего питомца с уже пойманной мышью. Из бытовой сцены писатель выводит социально-политическое обобщение, касающееся основ советской идеологии: классовой борьбы и неизбежного противостояния большевистского государства и «стран империализма». На этот смысловой подтекст указывает, прежде всего, экспрессивная риторика, характерная для советских газет, обращающихся к вопросам внешней политики. «Две вонючие, поганые, горячие и такие безнадежно каменные лапы держат ее. Сверху льется неопишемое по мерзости дыхание зверя. Видна адская машина белых безжалостных зубов» [5, с. 215], – аналогия вполне определенно угадывается. Те

моменты, когда кошка ослабевает хватку и дает мыши шанс убежать, называются фельетонистом «провокациями» («Провокатору всегда нужно иметь оправдание кровавой своей победы. Ему, мерзавцу, мало душить, надо еще дискредитировать жертву» [5, с. 216]) – вновь подразумеваются действия врагов Советов. Так аллегорически Е. Зозуля раскрывает официальное мнение о непримиримости внешних и внутренних противников советской власти.

В целом, писатель подвергает обобщению различные социально-политические и моральные явления современного ему общества, психологические и философские вопросы человеческой жизни. При этом им используются приемы аллегории, гротеска, метафоры, внедряются в текст фельетона или рассказа жанровые доминанты притчи, антиутопии, животного эпоса, очерка. Особое место в малой прозе Е.Д. Зозули занимают рассказы, представляющие собой интерпретации библейских сюжетов (например, «Каин и Авель», «Исход») – в них автор актуализирует истории, давно ставшие архетипическими. Анализ их проблематики и поэтики является одной из перспектив дальнейшего исследования наследия прозаика.

Литература

1. Голубовский Е.М. Много званых, но мало избранных / Е.М. Голубовский // Зозуля Е. Мастерская человек и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. – С. 5-10.
2. Дейч А. Ефим Зозуля / А. Дейч // Зозуля Е. Я дома. – М.: Советский писатель, 1962. – С. 3-13.
3. Ефимов Б. Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил / Б. Ефимов. – М.: Вагриус, 2000. – 636 с.
4. Зозуля Е. Мастерская человек и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения / Е. Зозуля. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. – 455 с.
5. Зозуля Е. Я дома / Е. Зозуля. – М.: Советский писатель, 1962. – 251 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А.Н. Николюкина]. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 799 с.

7. Муратханов В. Кровь и чернила антиутопии / В. Муратханов // Октябрь. – 2012. – № 5. – С. 189-191.
8. Тортунова И.А. Зозуля Ефим Давидович / И.А. Тортунова // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / [под ред. Н.Н. Скагова]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 2. – С. 44-46.

Анотація

С.А. Комаров. Принцип художнього узагальнення в оповіданнях та фейлетонах Ю.Д. Зозулі

У статті розглядається своєрідність принципу художнього узагальнення в оповіданнях та фейлетонах Ю.Д. Зозулі, видатного сатирика 1910-20-х років. Автор концентрує увагу на різних видах типізації: соціально-політичних, моральних, психологічних та філософських, які часто синтезуються у єдине ціле. Інтерес до внутрішнього світу, процесам, які відбуваються в людських душах у добу соціальних катаклізмів, поєднується у творах письменника з гумором. В оповіданнях Ю.Д. Зозулі періоду Громадянської війни, близьких до антиутопії, відображено авторське передбачення наслідків антигуманної політики більшовиків. Фейлетони 20-х років, навпаки, демонструють оптимістичний пафос. У ході аналізу акцентується різноманітність прийомів, які використовуються письменником (алегорія, метафора, гротеск), факт включення у тексти жанрових домінант притчі, антиутопії, тваринного епосу та нарису. Ці засоби сприяють більшій глобалізації філософських та соціально-політичних узагальнень.

Ключові слова: узагальнення, оповідання, фейлетон, алегорія, притча, антиутопія, тваринний епос.

Аннотация

С.А. Комаров. Принцип художественного обобщения в рассказах и фельетонах Е.Д. Зозули

В статье рассматривается своеобразие принципа художественного обобщения в рассказах и фельетонах Е.Д. Зозули, выдающегося сатирика 1910-20-х годов. Автор сосредоточивает внимание на различных видах типизации: социально-политических, моральных, психологических и философских, которые часто синтезируются в единое целое. Интерес к внутреннему миру, процессам, происходящим в душах людей в эпоху социальных катаклизмов, соединяется в произведениях писателя с юмором. В рассказах

Е.Д. Зозули периода Гражданской войны, близких к антиутопии, отражено авторское предвидение последствий антигуманной политики большевиков. Фельетоны 20-х годов, напротив, демонстрируют оптимистический пафос. В ходе анализа акцентируется разнообразие приемов, используемых писателем (аллегория, гротеск, метафора), факт включения в тексты жанровых доминант притчи, антиутопии, животного эпоса и очерка. Данные средства способствуют большей глобализации философских и социально-политических обобщений.

Ключевые слова: обобщение, рассказ, фельетон, аллегория, притча, антиутопия, животный эпос.

Summary

S.A. Komarov. Principle of Generalization in E.D. Zozulya's Short Stories and Feuilletons

The article is dedicated to the investigation of the principle of generalization in E.D. Zozulya's short stories and feuilletons of 1910-1920th. The author concentrates his attention on different types of generalization: socio-political, moral, psychological and philosophical, which often synthesize into a single whole. In the writer's works the interest to the inner world, processes in the human souls at the time of social cataclysms unites with humour. In E.D. Zozulya's short stories written during the Civil War, which are close to anti-utopia, the author's anticipation of consequences of inhuman Bolshevik politics is reflected. The feuilletons of 1920-th, on the contrary, demonstrate optimistic pathos. In the course of analysis the variety of stylistic devices used by the writer (allegory, grotesque, metaphor) and the fact of including genre dominants of parable, anti-utopia, animal epos and essay into the texts are accentuated. These means promote globalization of philosophical and socio-political generalizations.

Key words: generalization, short story, feuilleton, allegory, parable, anti-utopia, animal epos.

Інформація про автора

Комаров Сергій Анатолійович – ORCID: 0000-0003-4577-3106; кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри зарубіжної літератури Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»; вул. Г. Батюка, 19, м. Слов'янськ, 84116, Україна